

ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

НАСКАЛЬНЫЕ
РИСУНКИ
ЕВРАЗИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ЕВРАЗИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Р. С. Васильевский*

НОВОСИБИРСК
«Н А У К А»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1992

ББК 63.4
Н31

Р е ц е н з е н т ы

доктор исторических наук *В. Е. Медведев*
кандидат исторических наук *С. Г. Скобелев*

Утверждено к печати
Институтом археологии и этнографии СО РАН

Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство. —
Н 31 Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992.—133 с.
ISBN 5—02—029789—5.

Сборник посвящен исследованию выразительных памятников древних культур — наскальным изображениям. Они дают представление о мировоззрении населения Евразии с эпохи каменного века до средних веков. Статьи сборника вводят в научный оборот новые, не публиковавшиеся ранее материалы.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, искусствоведов.

050400000—127
Н 042(02)—92 105—92 II полугодие

ББК 63.4

ISBN 5—02—029789—5

© Издательство «Наука», 1992

ДРЕВНЕЙШИЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Образ человека в репертуаре петроглифов Южной Сибири и Центральной Азии в эпохи энеолита и бронзы занимает особое место. В данный период на этой обширной территории появляются наскальные антропоморфные изображения, имеющие много общего в трактовке образа в целом и в разработке отдельных деталей. Отчасти это сходство можно объяснить близостью черт в верованиях, обрядности, мифологии народов, создавших эти петроглифы.

Сравнительное изучение мифов разных народов мира показало, что при всем многообразии сюжеты в различных регионах и даже частях света бывают близки друг другу и даже повторяются¹. Складываются архетипы — наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы. К ним можно отнести мифологические образы матерей-родоначальниц. В большинстве мифологий мира богиня-мать — главное женское божество². В современной науке считается установленным, что первоначально род был материнским, но в одних случаях он сравнительно рано переходил в отцовский, а в других сохранял материнскую форму до начала разложения первобытного общества и даже до еще позднего времени³. Вероятно, именно «живучесть» материнского рода в определенной мере обусловила широкое распространение в древности различных культов, связанных с образом матери-родоначальницы, прародительницы. Этот образ находил конкретное воплощение в искусстве разных времен и регионов, в многообразных вариантах трактовки.

В Южной Сибири, Центральной Азии открыты серии петроглифов, на которых запечатлены рожающие женщины: на короточках с широко расставленными ногами, между которыми иногда показан плод. Руки рожениц разведены в стороны и согнуты в локтях. В одном случае на голове антропоморфной фигуры обозначены оленьи рога. На прибрежных скалах р. Чуулут в Монголии изображения рожающих женщин составляют целые пирамиды. В них ноги верхней фигуры одновременно являются руками нижней. В этих композиционных построениях нашли графическое отражение женское созидательное начало, идея бесконечности поколений. Монгольские наскальные изображения рожениц многократно публиковались Э. А. Новгородовой⁴. В поисках аналогий этому своеобразному сюжету исследовательница излишне увлеклась, сопоставляя монгольские петроглифы и орнаментальные композиции на художественных изделиях из разных регионов. Она провела параллели между описанными наскальными изображениями и бронзовыми поясными ажурными пластинами с решетчатым заполнением эпохи хунну. Как представляется, в орнаментальном переплетении линий внутреннего заполнения пластин нельзя усмотреть стилизованные фигуры рожениц. Дело даже не в том, что центральная линия, параллельная длинным сторонам пластины, расположена горизонтально, а не вертикально, как на петроглифах, где она символизирует генеалогическое древо, последовательно соединенные человеческие тела, переходящие одно в другое. Кстати, в таблице иллюстраций Э. А. Новгородова поместила решетчатую пластину, которую она считает аналогом наскальным рисункам, в функционально не свойственном ей вертикальном положении⁵. Если вслед за Э. А. Новгородовой допустить, что центральная перегородка решетчатой пластины — соединенные одно с другим человеческие тела, то оказалось бы, что генеалогическое древо представлено на пластине в горизонтальном положении, т. е. лежит поваленным, а у предполагаемых праматерей руки и соответственно ноги соединяются с туловищем на разных уровнях, вследствие чего одна из ног у каждой прародительницы начинается где-то в области талии. Кроме того, если принять версию Э. А. Новгородовой, ступни ног этих женщин будут непропорционально большими: и по длине они составляют половину всей ноги. Наверное, к отбору аналогов следует подходить более ответственно и осмотрительно, учитывая, что далеко не всякий орнамент в виде решетки непременно должен символизировать несколько поколений рожающих женщин.

Среди наскальных изображений Южной Сибири и Центральной Азии обращают на себя внимание предельно схематичные антропоморфные фигуры, трактованные фронтально с воздетыми к небу руками, обычно трехпальными⁶ (рис. 1, 1—8). Иногда они показаны с ромбовидными головами, увенчанными двойной или тройной развилкой. Нижняя часть этих фигур обычно оформлена в виде прямоугольников с короткими боковыми сторонами, которые означали одежду, напоминающую широкую юбку, чаще всего полосатую или клетчатую. Женский пол антропоморфных изображений маркируют груди, обозначаемые точками или отростками, отходящими в стороны от туловища. Боковые стороны незамкнутых снизу прямоугольников иногда символизируют трехпалые ноги.

Предельно схематизированные женские изображения, сопоставимые с монгольскими и алтайскими, открыты также и в бассейне среднего Енисея. Одна из них была скопирована А. В. Адриановым на правом берегу Енисея во втором логу выше д. Байкаловой⁷. Несколько других обнаружены на противоположном берегу Енисея, в 2 км к северу от с. Абакано-Перевоз⁸.

Рис. 1. Антропоморфные фигуры.

1—4 — Монголия, р. Чуулут (по Э. А. Новгородовой); 5—7, 9 — Алтай, Калбак-Таш (по В. Д. Кубареву); 8 — Тува, Бижикиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык; 10 — Тува, Мугур-Саргол.

Рядом с матерями-родоначальницами иногда изображали профильные стилизованные, крайне условные, мужские фаллические фигурки. Головы у них обычно трактованы так же, как и у женских изображений, с которыми они представлены, как правило, в одной композиции. Эти антропоморфные изображения датируются энеолитом — бронзовым веком. По петроглифам и росписям на каменных плитах Алтая В. Д. Кубарев проследил следующую закономерность: профильная фигура мужчины находится слева от женщины, представленной в фас. На плитах Каракола эта оппозиция усиливается еще и цветовой символикой: фигуры мужчин выполнены черной краской, а женщин — красной. На одной из плит имеется композиция с двумя разнополыми персонажами (рис. 1, 9). Женщина показана в фас с разведенными в стороны руками, от туловища отходят груди вытянутых очертаний. Мужчина изображен в профиль. В руке он держит предмет, который можно трактовать как лук со стрелой, нацеленной в женщину⁹. Одним из наиболее поздних вариантов подобного сюжета является, вероятно, наскальная композиция со святилища Мугур-Саргол на верхнем Енисее. Человеческие фигуры выполнены здесь достаточно реалистично, находящийся слева мужчина держит в руке не лук, а топор или чекан, которым наносит удар по голове женщины (рис. 1, 10).

Женские изображения, известные в наскальном искусстве Тувы (рис. 1, 8; 2, 8), хронологически более поздние по сравнению с упомянутыми монгольскими и алтайскими. На скалах Бижиктиг-Хая, на правом берегу р. Хемчик, близ пос. Кызыл-Мажалык имеется серия изображений женщин с согнутыми в локтях и поднятыми вверх руками, в длинных колоколовидно расширяющихся книзу юбках. Их пышные одеяния тщательно проработаны. Элементы одежды обозначены не только по контуру, но и внутри его. Горизонтальные и вертикальные линии внутреннего заполнения фигур в случае пересечения образуют узор в виде клеток. Юбки (колоколовидные или подквадратной формы) можно рассматривать как маркеры женских образов. Элементы одежды антропоморфных персонажей на петроглифах эпохи бронзы, как правило, не показывали, поэтому разработка деталей пышного костюма была для древнего художника, очевидно, семантически значима. Иногда женщину изображали держащей на привязи быка.

Аналоги женским фигурам в ритуальной одежде территориально очень далеки, но весьма выразительны. Как известно, у народов Древнего Востока главным персонажем культа плодородия была Великая Мать. Ей сопутствовали изображения быка и речной змеи, занимающих важное место во всех мировых религиях¹⁰. На Древнем Востоке мифологический образ женщины в ритуальной одежде появился еще в глубокой древности и нашел отражение в различных памятниках искусства. В иконографию богини-матери в древневосточном искусстве вошли поднятые в позу оранты руки, а также широкая конусовидная юбка, украшенная клетчатым узором. Подобные элементы изображения приобрели характер канона¹¹. Несколько фигур с такими деталями приводит В. М. Котович в качестве аналогов антропоморфным изображениям святилища Харитани I в Дагестане¹², которое исследовательница датирует концом неолита. Необходимо, разумеется, учитывать, что приводимые аналоги относятся к разным культурно-хронологическим пластам и очень отдаленным друг от друга территориям. Сходство иконографии женских фигур из различных регионов объясняется, вероятно, общностью древнейших мифологических воззрений, а также непосредственными и опосредованными контактами древнего населения.

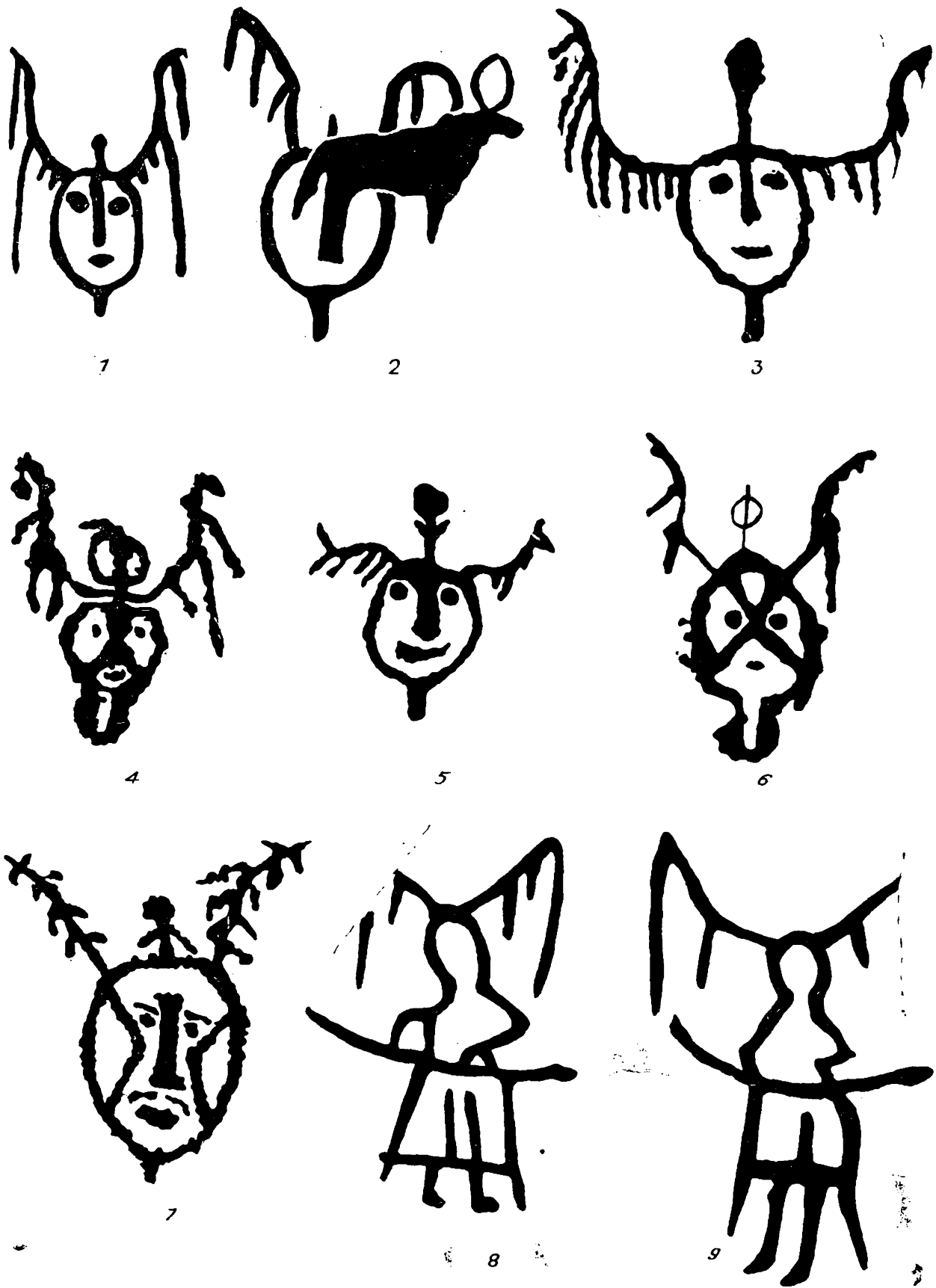

Рис. 2. Личины-маски и антропоморфные фигуры в рогатых головных уборах с «лентами».

1—2, 8 — Бижиктиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык; 3—7, 9 — Мугур-Саргол.

Исследователи неоднократно отмечали семантическую связь между изображениями быков и женских божеств. На петроглифах Южной Сибири и Центральной Азии фигуры рожающих женщин, матерей-прародительниц нередко показаны рядом с изображениями быка. Такие композиции можно рассматривать как графическое воплощение мифа о тотеме-прародителе и женщине¹³. Аналоги таким рисункам известны в петроглифах Иордании и Гобустана¹⁴. В представлениях древнего человека бык ассоциировался с производящим мужским началом, с мужским божеством или его атрибутом. Для ряда скотоводческих народов было характерно мифологическое и обрядовое отождествление мужчины и быка¹⁵. Такие сюжеты особенно четко прослеживаются на ближневосточном памятнике Чатал-Хююк; в его рисунках господствовали образы женского божества и быка. В рельефах антропоморфный облик придавался только богине, а мужское божество выступало в виде бычьей головы или бараньей¹⁶. На стенных росписях святилища Чатал-Хююк богиня плодородия показана с воздетыми руками. Она «окутана» клетчатым занавесом. В памятниках шумеро-вавилонского искусства также встречаются фигуры в позе оранты в длинных клетчатых юбках в окружении быков и других животных.

На скалах Бижикиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык в Туве изображения быков многочисленны и разнообразны (рис. 3). На этом же местонахождении имеется серия изображений женщин, держащих на привязи быков. Здесь, возможно, нашел графическое отражение миф, в котором бык выступает в качестве прародителя. У подножия скалы, где находилось древнее святилище, на отвесной плоскости изображена огромная (высотой более 1 м) сидящая птица. Ниже птицы на скале выбиты личини-маски яйцевидной формы с изображением женского лица. Они ассоциируются как снесенные этой птицей яйца. Одна из масок перекрыта фигурой быка¹⁷. Внизу почти на уровне земли на скале выбиты две миниатюрные фигурки в длинных конусовидных одеждах и сложных головных уборах (см. рис. 2, 8). Судя по расположению изображений на вертикальной плоскости скалы и их размерам, на плоскости реализованы мифологические представления древних обитателей этих мест о том, что миниатюрные антропоморфные существа обязаны своим появлением священному браку женского духа-предка (личина-маска) и быка (перекрывающее ее изображение). Миниатюрные фигурки женщин снабжены какими-то атрибутами — длинными узкими предметами, в которых заманчиво видеть изображения змей, хотя на этой трактовке нельзя настаивать. Подобное предположение все же вполне допустимо, поскольку местность, в которой расположены скалы Бижикиг-Хая, изобилует пресмыкающимися, почему и получила название «Могой», что в переводе с монгольского означает «змеи».

Легенды, в которых взаимосвязаны образы змей и женщины, бытуют на Алтае до наших дней. Об алтайских преданиях, в которых повествуется о подземных храмах, где в алтаре возвышается камень с изображением женщины и змеи, сообщает Е. А. Окладникова. По ее сведениям такие пещеры есть в Кош-Агаче, Куюсе и Калбак-Таше. Вход в калбакташскую пещеру, с которой связана легенда, как отмечает Е. А. Окладникова, находится рядом со второй писаной скалой. По словам местных жителей, эта пещера очень длинная и ведет под скалу с петроглифами¹⁸.

Выше отмечалось, что на Древнем Востоке фигуры богинь-матерей в характерной позе оранты с воздетыми вверх руками сопровождаются изображениями не только быков, но и змей. В клетчатой юбке со змеей на плечах представлена угаритская богиня Иштар. Широко известны

Рис. 3. Наскальная композиция. Бижиктиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык.
1 — левая; 2 — правая части плоскости.

«богини со змеями» — статуэтки из святилища дворца в Кноссе начала XVI в. до н. э. В них запечатлены две женщины в длинных широких юбках с открытой грудью, держащие в руках змей. Возможно, это вотивные изображения жриц богини или же членов царского рода, принимавших непосредственное участие в служении божеству: внешний вид этих фигурок соответствует изображениям придворных дам в росписях Кносского дворца¹⁹. Высказывалось предположение, что это статуэтки змеиной богини или же жрицы — служительницы священных змей²⁰. Некоторые исследователи объясняют наличие змей на изображениях богинь и женских персонажах классической мифологии Средиземноморья — Афины, Артемиды, Гекаты, Эринии, Горгоны и др. — архаическими культурами плодородия и луны²¹. На черно-белых репродукциях в многочисленных изданиях кносских статуэток клетки на одежде «богинь со змеями» выглядят четко и резко, на цветных иллюстрациях они видны менее отчетливо, хотя вполне различимы. Крито-микенские изображения «жриц» со змеями, возможно, восходят к более древним образцам, связанным с культом змей на Балканах²². Известно, что в орнаменте трипольской культуры змеи спирально обвивают груди Великой Матери, окружают чрево рожениц, выполняя охранительные функции²³.

На скалах Бижикиг-Хая у женщин с атрибутами, в которых угадываются тела змей, на подоле одежд имеются отrostки — бахромы (см. рис. 2, 8), вызывающая ассоциацию с одежаниями древних трехпалых матерей-родоначальниц из Монголии, Алтая и бассейна среднего Енисея. В древности к одежаниям с бахромой относились, очевидно, как к культовым, с этим элементом одежды был связан определенный круг представлений. Любопытно, что в одном вавилонском учебном пособии начала II тыс. до н. э., в котором излагались правовые нормы, говорилось: «Он возненавидел ее и обрезал бахрому ее (платья)»²⁴.

На северо-востоке Тувы в горно-таежном Тоджинском районе во время раскопок могильника гунно-сарматского времени был обнаружен костяной гребень с ручкой в виде антропоморфной фигуры с воздетыми руками. Зубцы этого гребня символизировали бахрому на подоле платья²⁵. Бахромы украшают женский костюм на петроглифах эпохи хунну в Монголии²⁶, причем одна из антропоморфных фигур изображена в позе оранты²⁷. Позже бахромы стала характерной чертой шаманской одежды у тюркских и монгольских народов.

У алтайцев прослеживается сложная культовая символика атрибута, именуемого «чалма», который в обиходе упрощенно называют лентой. Ленты прикрепляли к культовой одежде шаманов, к бубнам, колотушкам и т. д. В наше время их можно встретить у целебных источников, у подножия гор, на перевалах, у опасных речных переправ на Алтае и в Туве. Ленты отрывали от куска материи только вручную, причем они не должны были быть шире пальца человека. «Более широкие ленты могли вызвать, — пишет В. П. Дьяконова, — недовольство хозяина Алтая. Он мог осудить человека, пытавшегося казаться более богатым, чем он сам»²⁸.

Самая, пожалуй, примечательная особенность рассматриваемых женских фигур святилища Бижикиг-Хая — головной убор в виде рогов с отходящими от них ответвлениями-отrostками, напоминающими ленточки, которые шаманы привязывали к рогам, венчающим их головы во время камлания. Такие же рога со свисающими вниз отrostками-ленточками показаны на головах личин-масок на том же святилище. Здесь изображены, надо полагать, женские лица, о чем можно судить по отсутствию усов, которые имелись на лицах мужских духов-предков, представленных в Саянском каньоне Енисея на скалах Мугур-Саргола и в устье р. Чинге.

Всего в бассейне верхнего Енисея известно около 300 изображений личин. Если среди антропоморфных фигур святилища Бижиктиг-Хая центральное место занимает образ женщины в ритуальных одеждах, связанной с изображениями быков, то среди петроглифов Мугур-Саргола преобладают мужские образы: личины-маски усатых мифических существ, а также фаллические фигуры. Часть найденных на правом берегу Улуг-Хема личин-масок синхронна мугур-саргольским, но большинство их создано в более позднее время. Как правило, это своеобразные индивидуальные формы, существующие в единственном числе и не находящие прямых аналогий. Таким образом, комплекс Бижиктиг-Хая предшествует мугур-саргольскому, а петроглифы на р. Чинге относятся к последующему времени ²⁹.

Найденные во Внешней Монголии изображения личин, судя по публикациям Э. А. Новгородовой, маловыразительны и немногочисленны. Среди чуулутских находок привлекает внимание маска, на которой скальной коркой обозначены контуры бровей, глаз, носа, рта, а все остальное внутреннее пространство «забито»³⁰ (рис. 4, 10). На голове — фигура с тремя отростками, подобная той, что показана на макушке одной из наиболее поздних масок Алды-Мозага в устье р. Чинге в Туве. Как сообщил В. В. Волков, недавно на юге Монголии монгольскими учеными обнаружено местонахождение петроглифов, среди которых имеется серия ярких личин-масок крупных размеров.

Интереснейшие коллекции личин обнаружены во Внутренней Монголии, в горах Иньшань и др. Эти петроглифы известны советским исследователям по предварительным публикациям китайских ученых ³¹ и по монографии Гай Шанълиня ³². Среди множества наскальных рисунков, опубликованных Гай Шанълинем, личины-маски занимают видное место. Они отличаются разнообразием форм, условностью, вычурной стилизацией (рис. 4, 1—9). При всем их многообразии представляется возможным выделить несколько серий.

Своеобразную группу составляют личины с лучистым нимбом в виде расходящихся в стороны от контура черточек (рис. 5). Возможно, в отдельных случаях эти черточки могут символизировать не только лучи и сияние, но и копну волос, обрамляющих лицо антропоморфного солнцеподобного существа. Аналогичные изображения на верхнем Енисее пока не найдены, однако на одном из петроглифов Мугур-Саргола само дневное светило, запечатленное в виде концентрических окружностей с расходящимися линиями-лучами, поразительно похоже на солнце на наскальных рисунках Внутренней Монголии. «Солнцеголовые» персонажи имеются в репертуаре петроглифов Средней Азии и Казахстана, среди окуневских личин бассейна среднего Енисея. Антропоморфные фигуры с лучистыми нимбами, нарисованными минеральными красками, были открыты В. Д. Кубаревым на стенках каменных ящиков курганов Карокола на Алтае ³³. Изображения солнцеподобных антропоморфных существ связаны с солярными культами, которые в эпоху энеолита — бронзы бытовали у народов, расселявшихся по всему поясу азиатских степей и предгорий вплоть до Дальнего Востока, где подобные личины известны на нижнем Амуре среди петроглифов Сакачи-Аяна. На скалах Внутренней Монголии солнцеликие личины иногда соседствуют с чашевидными углублениями, в которых китайский исследователь склонен видеть символы звезд.

Во Внутренней Монголии, как и в других регионах, известны изображения личин парциального типа, т. е. не полные, у которых отсутствуют либо внешний контур лица, либо внутреннее заполнение: глаза, нос

Рис. 4. Личины-маски.

1—9 — Внутренняя Монголия, горы Иньшань (по Гай Шаньлину); 10 — Чулуут (по Э. А. Новгородовой).

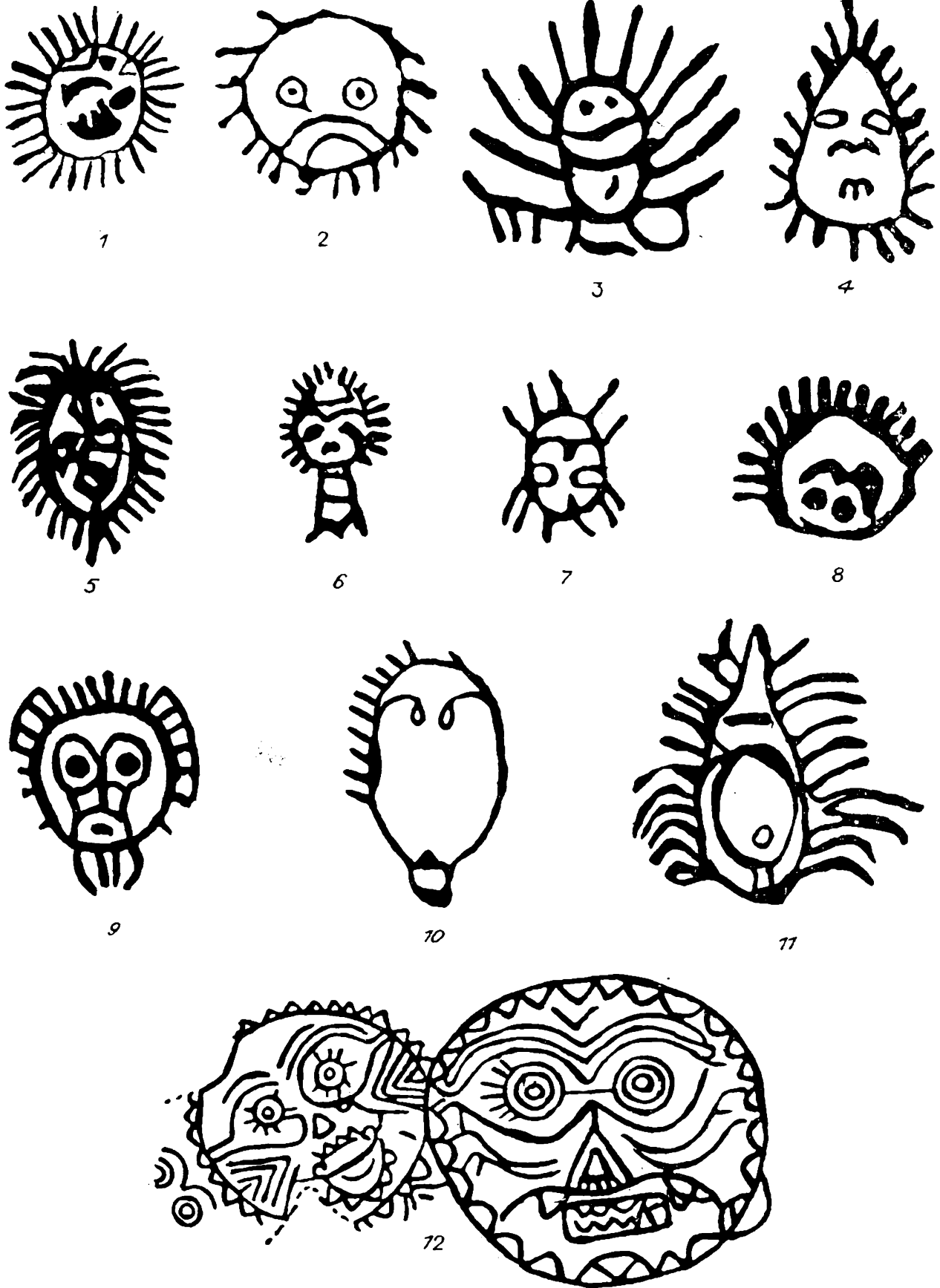

Рис. 5. Личины с «лучистыми» нимбами.
 1—11 — горы Иньшань (по Гай Шаньлину); 12 — бассейн р. Байчахе (по В. Е. Ларичеву).

или рот. Среди парциальных привлекают внимание личины, лишенные абриса, с глазами в виде двух концентрических окружностей, с тройной развилкой, отходящей от того места, где у полной личины находилась бы макушка, а также с рядом параллельных черточек-зубов в нижней части «лица». Пол и возраст персонажей, которых символизировали представленные на скалах антропоморфные личины из Внутренней Монголии, четко не определяются.

Буйная фантазия художников Внутренней Монголии породила множество индивидуальных форм петроглифов. Наиболее яркая декоративно-орнаментальная стилизация характерна, пожалуй, для личин, открытых в 1981 г. в бассейне р. Байчахэ на окраине Монгольского плоскогорья³⁴. В. Е. Ларичев в обзорной статье о новых открытиях наскальных изображений на территории Внутренней Монголии предположительно датирует находки в Синьцзяне и Цинхае началом II тыс. до н. э. На наиболее крупной из этих личин во рту в форме вытянутого прямоугольника изображены два ряда зубов.

Личины со знаком на лбу в виде косых полос были открыты в горах Иньшань. Это изображения не лица человека, хотя бы и мертвого, а черепа: на месте носа — треугольный провал, на месте рта — частокол из зубов, глаза отсутствуют, обозначены лишь надбровные дуги. Эти личины можно сопоставить с череповидными личинами из Северной Азии и прежде всего из района нижнего Амура, хотя у них внешний контур не сердцевидный, а подпрямоугольный. Такая же «зубастая» личина выбита на туловище лошади из Сакачи-Аляна. Это изображение А. П. Окладников связывал с мифами о черепе, который якобы существует независимо от тела, демонстрируя тем самым неживую жизнь³⁵. Примечательно, что на лбу личин из Внутренней Монголии имеются три параллельные черты, подобные тем загадочным символам, которые встречаются на оленных камнях Центральной Азии и Северного Кавказа³⁶. Эти линии на личинах-масках, изображающих лица покойников, вероятно, должны были оградить живых от нежелательного общения с обитателями потустороннего мира — умершими сородичами. Представляется очевидным, что знаки в виде трех параллельных косых линий на петроглифах и на оленных камнях семантически однородны. По всей вероятности, они соответствуют раскраске на лицах покойников и связаны с культом умерших предков.

Наскальные рисунки в горах Иньшань и Сакачи-Аляна на нижнем Амуре близки по наличию «разноглазых» личин. Это «разноглазие» антропоморфных изображений не является оплошностью или недоработкой древнего художника, оно преднамеренно.

Определить возраст личин из Внутренней Монголии трудно. Ясно одно, что изображения разновременны. Наиболее древние из них восходят, вероятно, к энеолиту. Верхняя дата определяется скорее всего концом эпохи бронзы — началом железного века, т. е. концом II — началом I тыс. до н. э. Отдельные экземпляры могли быть созданы и в более поздний период.

В конце эпохи бронзы среди антропоморфных изображений Центральной Азии безраздельно господствует образ мужчины — охотника и воина, который пришел на смену образу матери-родоначальницы (рис. 6). Среди них обращают на себя внимание многочисленные изображения человечков в грибообразных головных уборах³⁷. Эти головные уборы находят аналоги в искусстве древнего населения Чукотки. Выделив среди тувинских антропоморфных фигур группу изображений человечков в широкополых головных уборах, я пыталась сопоставить их с

Рис. 6. Антропоморфные фигуры в рогатых и грибообразных головных уборах.

1 — Мугур-Саргол; 2, 5 — Монголия, Хавцгайт (по А. П. Окладникову); 3, 6 — Монголия, Бичигтынам, Баянхонгорский аймак (по Н. Сэр-Оджаву); 4 — Тува, Оргаа-Саргол; 7—9 — горы Иньшань (по Гай Шаньлину).

рисунками на чукотских скалах в местности Пегтымель, высказав предположение, что все эти изображения связаны с культом грибов мухоморов. Исследователь чукотских петроглифов Н. Н. Диков счел подобную трактовку убедительной³⁸. Однако А. П. Окладников придерживался другого мнения. Обращая внимание на аналогичные изображения, найденные в Монголии, он писал: «Всего вероятнее, в виде шляпки гриба изображались пышные головные уборы воинов бронзового века. Во всяком случае, до Гоби-Алтая от Тувы ближе, чем от Пегтымеля на Чукотке»³⁹.

В последнее десятилетие многочисленные серии антропоморфных «танцующих» существ с характерным положением рук и такими атрибутами, как грибовидные головные уборы и округлые или овальные предметы у пояса, были обнаружены на обширной территории, включающей Алтай, верхний Енисей, Внешнюю и Внутреннюю Монголию. В. Д. Кубарев называет подобные изображения центрально-азиатским иконографическим каноном⁴⁰. Как отмечает Е. А. Окладникова, эти фигуры запечатлены в канонических позах, вероятно, в момент ритуальной пляски⁴¹. З. С. Самашев называет их ряжеными по наличию у большинства хвоста⁴².

В настоящее время все специалисты по петроглифам Сибири, кроме Н. Н. Дикова, не соглашаются с гипотезой о том, что в человеческих в грибообразных головных уборах воплощены мифические люди-мухоморы. Все по-разному трактуют эти персонажи петроглифов, но единодушно считают, что предмет округлых очертаний у пояса — это не кожаный сосуд или сума. Большинство ученых присоединяются к оценке А. П. Окладникова этих предметов как ритуальных хвостов. Безусловно, часть из этих загадочных атрибутов является хвостами. На местонахождении петроглифов Мозага-Комужап в Саянском каньоне Енисея встречены изображения людей и быков, представленных в композиционном единстве, у быков хвосты изображены точно так же, как предметы на поясе людей. Вместе с тем не всегда эти висящие у пояса атрибуты можно безоговорочно считать хвостами. Когда эти предметы висят не на поясе, а на руке, они более напоминают суму или кожаный сосуд, а не хвост. С подобной трактовкой соглашается выдающийся знаток сибирской этнографии Л. П. Потапов. Иногда предмет округлых очертаний можно трактовать как палицу или булаву боевую или вотивную (парадно-ритуальную). Подобный предмет свисает с плеча мужчины, изображенного на рис. 3. Известно еще несколько различных трактовок этого предмета. Очевидно, в каждом конкретном случае необходимо проводить специальный анализ, чтобы определить, какой именно атрибут или предмет вооружения изображен на скале.

На петроглифах воинов часто изображали вооруженными не только боевой палицей, но и луком, боевыми топорами или чеканами, нередко в момент схватки, хотя такие сцены более характерны для восточных ареалов. Встречаются изображения воинов на колесницах, влекаемых двумя лошадьми.

В эпоху поздней бронзы в жизни первобытных коллективов все более значимой становится роль мужчины-воина. Это находит отражение не только в петроглифах, но и в монументальной антропоморфной скульптуре, зашифрованной в изображениях оленных камней.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира.— М., 1987.— Т. 1.— С. 11.

² Рабинович Е. Г. Богиня-мать // Мифы народов мира.— М., 1987.— Т. 1.— С. 178.

- ³ История первобытного общества. Эпоха классового образования.— М., 1988.— С. 549.
- ⁴ См.: Новгородова Э. А. Древняя Монголия.— М., 1989.
- ⁵ Новгородова Э. А. Древняя Монголия.— С. 100, рис. 8.
- ⁶ Там же.— С. 100—101; Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола.— Новосибирск, 1988.— Табл. XVI, 3, 6—7.
- ⁷ МАЭ, инв. № 2508-387.
- ⁸ Севастьянова Э. А. Отчет об охранных и разведочных работах Хакасского областного музея краеведения у с. Подсинего и с. Абакано-Перевоз. Абакан, 1980.— Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 7800, л. 22, рис. 67—69.
- ⁹ Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола.— Рис. 81.
- ¹⁰ Андрианов Б. В. Бык и змея. У истоков культа плодородия // Наука и религия.— 1972.— № 1.— С. 46.
- ¹¹ Котович В. М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности.— М., 1983.— С. 6.
- ¹² Котович В. М. Древнейшие писаницы Горного Дагестана.— М., 1976.
- ¹³ См.: Хлобыстина М. Д. Древнейшие южно-сибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство.— Новосибирск, 1971.
- ¹⁴ Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии.— М., 1980.— С. 275—276.
- ¹⁵ Иванов В. В. Бык // Мифы народов мира.— М., 1987.— Т. 1.— С. 203.
- ¹⁶ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока.— М., 1982.— С. 90.
- ¹⁷ Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола.— М., 1980.— С. 13.
- ¹⁸ Окладникова Е. А. Калбак-Таш // Изв. СО АН СССР.— 1981.— № 11.— Сер. обществ. наук.— вып. 3.— С. 64.
- ¹⁹ Сидорова Н. А. Искусство эгейского мира.— М., 1972.— С. 126.
- ²⁰ Токарев С. А. Религии в истории народов мира.— М., 1986.— С. 386.
- ²¹ Фролов Б. А. Астральные мифы и рисунки // Очерки естественно-научных знаний в древности.— М., 1982.— С. 46.
- ²² Иванов В. В. Змей // Мифы народов мира.— М., 1987.— Т. 1.— С. 469.
- ²³ Андрианов Б. В. Бык и змея.— С. 52.
- ²⁴ Дьяконов И. М. Научные представления на древнем Востоке // Очерки истории естественно-научных знаний в древности.— М., 1982.— С. 70.
- ²⁵ Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе.— М., 1982.— Рис. 12.
- ²⁶ Окладников А. П. Петроглифы Монголии.— Л., 1981.— Табл. 26, 2.
- ²⁷ Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии.— М., 1984.— Рис. 53.
- ²⁸ Дьяконова В. П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири.— Л., 1984.
- ²⁹ Дэвлет М. А. Петроглифы Алды-Мозага // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири.— Новосибирск, 1989.— Рис. 3.
- ³⁰ Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии.— Рис. 18.
- ³¹ См.: Кашина Т. И. Петроглифы Лунных гор // Пластика и рисунки древних культур.— Новосибирск, 1983.— С. 77—85; Ларичев В. Е. Открытие наскальных изображений на территории Внутренней Монголии, в Синьцзяне и Цинхае // Рериховские чтения.— Новосибирск, 1985.— С. 149—167.
- ³² Гай Шаньлин. Петроглифы в горах Иньшань.— Пекин, 1986 (на кит. яз.).
- ³³ Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола.— Табл. III, XI.
- ³⁴ Ларичев В. Е. Открытие наскальных изображений....— Рис. 5.
- ³⁵ Окладников А. П. Петроглифы нижнего Амура.— Л., 1971.— Табл. 28.
- ³⁶ Дэвлет М. А. О сакрально-магических знаках на петроглифах и оленных камнях // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР.— М., 1990.— С. 237—238; Савинов Д. Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки.— М., 1977.— С. 128.
- ³⁷ Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема.— М., 1976.— С. 22—24.
- ³⁸ Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии.— М., 1979.— С. 159.
- ³⁹ Окладников А. П. Рец. на кн.: Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976 // Сиб. огни.— 1977.— № 11.
- ⁴⁰ Кубарев В. Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения.— Новосибирск, 1987.— С. 155.
- ⁴¹ Окладникова Е. А. Образ человека в наскальном искусстве Центральной Азии // Антропоморфные изображения.— Новосибирск, 1987.— С. 172.
- ⁴² Самашев З. С. Наскальные изображения // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС.— Алма-Ата, 1987.— С. 269—270.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
<i>Беднарик Р.</i> Приоритетные направления в работах по консервации памятников наскального искусства.	8
<i>Буров Г. М.</i> Искусство Крайнего Северо-Востока Европы в эпоху неолита — раннего металла и его семантика	14
<i>Дэвлет М. А.</i> Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии.	29
<i>Диков Н. Н.</i> Пегтымельские петроглифы — уникальный археологический па- мятник Заполярной Чукотки.	44
✓ <i>Савватеев Ю. А.</i> Новые материалы о петроглифах Онежского озера	50
✓ <i>Комарова Н. П.</i> Семантика отдельных космогонических изображений забайкаль- ских писаниц.	62
✓ <i>Мельникова Л. В.</i> Изображения нерп на верхней Лене (Шишкинская писаница) <i>Кирьяк М. А.</i> Поздненеолитическая графика с озера Раучувагытгын (Западная Чукотка).	69
✓ <i>Лебединцев А. И.</i> Человек и его хозяйственная деятельность в искусстве то- каревской культуры.	72
✓ <i>Михайлов Б. Д.</i> Солнечная ладья эпохи ранней бронзы в гроте Каменной Мо- гилы.	82
✓ <i>Молодин В. И.</i> Усть-Канская писаница	86
✓ <i>Кубарев В. Д.</i> Сенмурв из Калбак-Таша	91
✓ <i>Фараджев А. А.</i> К вопросу об изучении петроглифов Старой Залавруги	94
✓ <i>Худяков Ю. С.</i> Образ воина на петроглифах раннего железного века в Минусин- ской котловине.	98
✓ <i>Худяков Ю. С., Цэвгэндорж Д.</i> Изображения воинов на петроглифах Хушот- Дурбэн-Уул-1.	108
✓ <i>Худяков Ю. С., Цэвгэндорж Д.</i> Изображения воинов на петроглифах Хушот- Дурбэн-Уул-1.	123
Список сокращений.	131

Научное издание

**НАСКАЛЬНЫЕ
РИСУНКИ
ЕВРАЗИИ**

Первобытное искусство

Редактор издательства *Н. М. Анджиевская*
Художественный редактор *В. А. Реймхе*
Технический редактор *А. В. Сурганова*
Корректоры *И. А. Чернова*

ИБ № 42681

Сдано в набор 27.01.92. Подписано к печати 13.05.92. Формат 70×100 1/16. Бумага типограф-
ская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,1. Усл. кр.-отт. 13,1.
Уч.-изд. л. 12. Тираж 400 экз. Заказ № 38. С 127.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ